

Специалистам, работающим в области истории средних веков, читать не рекомендуется.

«... И где-то, на последнем берегу
Я путь окончу — в этом нет сомненья.
И вряд ли я простить себе смогу,
Что больше невозможно возвращенье.
Но буду благодарен я судьбе
За то, что выбрал путь порою ранней,
И в том пути я верен был себе,
И в сердце жив костер воспоминаний.»

Рок группа «Машина времени», из ранних произведений.

1.

В этот хмурый пасмурный вечер я как обычно сидела у окна и смотрела вдаль. Передо мной простиралась широкая равнина, сквозь которую пролегла дорога, недалеко от которой стоял мой дом, и уходила вдаль за горизонт. Было тихо и начинало смеркаться. Я собиралась зажигать свечи и готовиться ко сну, как вдалеке показалась фигура одинокого всадника. Я прильнула к окну, всматриваясь в вечерние сумерки. Всадник неспешно приближался. Я зажгла фонарь и, набросив накидку, вышла на дорогу.

Я жила на отшибе деревни, принадлежащей графству Уэст-Йоркшир уже год как в одиночестве. Родители шесть лет назад скончались от чумы. И я жила одна. В жизни мне не повезло и так сложилось, что я оказалась бездетна. Меня кропили святой водой, читали молитвы и давали разные снадобья. Я ставила свечи всем святым чудотворцам, но ничего не помогало. Все мои ровесницы уже имели по двое и трое детей, я же ребёнка зачать не могла. Три раза меня брали в жёны и через год-полтора после свадьбы мои мужья умирали от загадочной болезни, так и не сумев меня обрюхатить. Люди со всего поселения шарахались от меня, называя не иначе как ведьмой, бросали в меня камни, а местный пастырь даже не пускал в приход. Понятно, что свататься ко мне никто уже не шёл, да и общался со мной только один блаженный деревенский дурак по прозвищу Джон-кукиш.

По нашей дороге уже больше двадцати лет почти никто не ездил, лишь сборщики податей, нищие прокажённые, да одинокие странники. И вот сейчас один из них приближался ко мне. Наконец всадник подъехал и спрыгнул с лошади. По одежде это был не торговец, но и не военный, хотя сбоку висел меч, а за спиной лук и колчан со стрелами. Он подошёл ко мне и я подняла фонарь. На меня смотрело женское лицо и я невольно отшатнулась.

— Не бойся меня, я не причиню тебе вреда — проговорила женщина на ломаном английском языке — разреши согреться у твоего очага и переночевать у тебя, я в долгу не останусь.

Я молча провела её в конюшню и женщина привязала своего коня. Я босила ему овса и повела странницу в дом.

— Входи — пригласила я.

— Спасибо тебе — ответила женщина и вошла в моё жилище. Сняв шапку и перчатки она направилась к очагу и протянула руки к огню.

— Кто ты? — спросила я.

— Я бывшая подданная герцога Леруа, — сказала она и под села ближе к очагу.

Я принесла мяса и вина и разложила всё перед ней на столе.

— Ешь и пей — сказала я и будем ложиться — я приготовлю тебе постель в соседней комнате, там свободно и уже год никто не живёт. Можешь там располагаться как хочешь.

— Разве ты одинока? По виду — мужа нет, а родители где?

Я поведала ей свою историю и она вздохнула:

— Я странствую восемь лет, после того как сбежала из дома. Мой отец хотел отдать меня в жёны за проходимца и игрока, когда мне исполнилось едва четырнадцать, потому что я незаконнорожденная. Он хотел избавиться от меня и не тратиться на моё содержание, но я сбежала и он особо меня не преследовал. Два года я скиталась вместе с бродячим цирком, но когда циркачи захотели мне расширить рот до ушей с помощью бритвы, и выставлять на посмешище всей толпы, я сбежала и от них. Я оказалась в дешёвом борделе. Хозяйка его издевалась надо мной и продавала за гроши каждому проходимцу, а по ночам сама насиловала меня. Я перегрызла верёвки и мне удалось сбежать. Меня подобрал пожилой странствующий монах с востока, когда я умирала с голоду на улице. И я стала его повсюду сопровождать. Он обучил меня всему, что нужно в далёком походе и повседневной жизни и это был первый человек за всю мою жизнь, которому я благодарна. С его мудрой философией и жизненной силой я научилась выживать в любых условиях и разбираться в людях. Теперь он отправился в иной мир и я по его завещанию похоронила его на склоне большой горы за далёкими холмами. Я возвращаюсь и путь мой лежит на восток в великую солнечную страну, где я намерена продолжить своё совершенствование. Ты, я вижу добрая душа, хоть и одинока. котёл для горячей воды.

Она ловко метнула топор и он воткнулся в полено. Затем женщина начала собирать наколотые дрова и заносить их в пристройку. Я ей помогала. Натаскав воды, мы разожгли огонь и плотно закрыли двери. Стало жарко и мы разделись. Мы обливались горячей водой и мне давно так не было жарко. Я села на скамью и женщина подошла ко мне.

— Я знаю, у тебя давно никого не было, позволь к тебе прикоснуться.

Она протянула свои руки ко мне и нежные пальцы легли на мою грудь. И я не отстранилась.

— Элен — я впервые назвала её по имени — может быть не надо, это нехорошо, ты ведь не мужчина.

— В каждой женщине есть мужское начало, как и в каждом мужчине есть женское, отбрось все предрассудки и ни о чём не думай!

Мягкие пальцы трогали и покручивали мне соски и гладили грудь, и эти прикосновения вызвали во мне прилив яростного возбуждения. В голове вертелись мысли о том, что вступать в интимную связь с женщиной — тяжкий грех, но я не в силах была противиться настойчивым ласкам и подалась вперёд, прижимая её руки к себе. Могучая волна блаженства вихрем закружила меня и я отдалась на волю своей любовнице. Я тяжело дышала. Её страстное, в капельках пота лицо приблизилось к моему и влажные, чуть солоноватые губы встретились с моими. Что же я делаю! Ведь нельзя же, ведь грех великий. Ну и пусть. А издеваться над беззащитной не грех? А камни бросать в меня не грех? Ведь я же не виновата в том, что не могу иметь детей и, видит Господь, в смерти своих мужей я тоже не виновата. И пусть я буду проклята всеми церквями и приходами, меня так мягко и нежно никто ещё не полюбил. И я горячо отвечала на её поцелуи языком и губами и плотнее прижималась к влажному и гибкому телу. Элен опустила передо мной на колени и раздвинула мне ноги. Она тяжело дышала, её раскрасневшееся лицо было обращено на меня, она тихо сказала:

— Выбрось из головы все мысли. Расслабься как только можешь и пусти меня поглубже в себя и ты получишь наслаждение, которого не испытывала никогда.

С этими словами французенка опустила голову ко мне между ног и я ощутила плотное прикосновение губ на моём влагалище. В следующее мгновение её язык глубоко проник внутрь и приласкал мой клитор. Она оказалась права. Ураган, переворачивающий дома, молния, сжигающая деревья дотла — вот такая сила блаженства пронизала меня и я застонала. Её ласки всё усиливались и её язычок двигался во мне и заставлял трепетать всё тело. Я обнимала её за шею и гладила за волосы.

Вообще-то мужчин у меня было немного и трахали они меня грубо, делая хорошо лишь себе. Они требовали от меня секса лишь тогда, когда возникало желание только у них и не спрашивали меня, хочу ли я сейчас близости. А если я начинала сопротивляться, они брали меня грубой силой и кроме боли никаких других ощущений я не испытывала. Накончав в меня своей спермой они как ни в чём не бывало продолжали дальше заниматься своими делами — плели корзины, складывали поленья или таскали сено. Ни ласки, ни любовных слов и мягких прикосновений я в своей жизни от мужиков так и не получила. В лучшем случае грубое и похотливое лапанье моих интимных мест. И вот сейчас эта французенка давала мне то, чего в своей жизни я так и не получила и все эти ощущения приходили ко мне лишь во снах. Теперь же всё было наяву.

Элен забросила мои ноги себе на плечи и обняла меня за бёдра и продолжала настойчиво и мягко тереть мой клитор. Её губы постоянно двигались а язык то описывал круги, то двигался вдоль, то поперёк внутри моей пещерки. От ласки и объятий французенки моё тело дрожало и извивалось ей навстречу помимо моей воли. Я громко и протяжно стонала, прижимая к себе такое желанное и горячее женское тело. Она подняла голову и посмотрела на меня. Как же она хороша! Разгорячённая, пылающая ярким румянцем с полуоткрытыми губами. И я инстинктивно всем телом потянулась к этим губам. И я целовала эти губы, эти глаза, это нежное лицо и задыхалась от страсти. Затем так же инстинктивно я начала опускаться вниз к её лону. По пути я ласкала её грудь и живот, пока не достигла промежности. Мои губы сами обхватили её и язык мой нащупал твёрдую горошину клитора. Элен двигалась навстречу моим движениям и страстно стонала. В моей голове гулко стучало и на глаза наваливалась пелена. Я чувствовала приближение оргазма. Наконец Элен изогнулась, прижав мою голову плотнее к себе и звонко закричала, излив на моё лицо вязкую массу. Внутри меня как в жерле вулкана подобно взрыву мощным напором изверглась лава и растеклась по всему телу. И я, не сдерживаясь, закричала вместе с ней.

3.

Элен собиралась в путь. Она вывела своего коня и привязала его к крыльцу. Уже полностью экипированная, она во дворе точила длинный меч о камень. Я наблюдала за ней из окна. В голову лезли невесёлые думы. Вот сейчас она соберётся и уедет. Уедет навсегда и я её больше не увижу. И вновь останусь одна. Какая же она необычная и как с ней было хорошо. Зачем я живу? Для чего? И вот сейчас она уедет и останется пустота. И одни лишь воспоминания о ней будут тревожить по ночам и скрести когтями мою душу. Она раскрыла мне глаза на многие вещи и показала, какой может быть любовь. И пусть эта любовь трижды порочна, но как же мне с этой девушкой было хорошо, легко и свободно. Как жалок этот серый мир, как он жаден и жесток. И для меня он бесконечно пуст. Я вышла во двор и подошла к Элен. Она повернулась ко мне и смотрела на меня.

— Не бросай меня — прошептала я — я сойду с ума здесь одна, я сдохну без тебя, возьми меня с собой и я пойду с тобой хоть на край света, я люблю тебя.

И тут я снова разрыдалась, уронив ей на грудь свою голову. Элен обняла меня и прижала к себе. Она гладила меня по голове и молчала. Затем она сказала:

— Ну что же, мне надо спросить разрешения и совета у своего учителя.

— Но как?

— А так. Если нет тела, ещё не значит, что нет и души. Он живёт вот здесь — и она показала на свою голову — и здесь — она показала где сердце — отойди и не мешай.

Я вернулась в дом и села возле окна. Я наблюдала за ней. Элен расстелила на земле небольшой коврик и села на него, скрестив ноги и опустив руки на колени. Она замерла и сидела так около полчаса. Затем она встала, сложила коврик и вошла в дом.

— Тебя не пугают трудности дальнего пути? — спросила она.

— Нет — твёрдо отвечала я.

— Готова ли ты биться насмерть и отдать жизнь за меня?

— Да, теперь я готова на это.

— Ну что же, коня мы тебе подберём и со временем ты научишься всему. Учти, будет тяжело, ещё есть время передумать. Сейчас ты стоишь перед выбором и этот выбор ты должна сделать сама. Выбор есть у каждого. Так едешь ли ты со мной?

И я ответила твёрдо:

— Да.

Когда б я властен был над этим небом злым,

Я б сокрушил его и заменил другим,

Чтоб не было преград стремленьям благородным

И человек мог жить, тоскою не томим.

О. Хайям, «Рубаи»